

СЛОВО БОЖИЕ И БИБЛИЯ

Вчера на Литургии читалось начало Евангелия от Матфея, 1,1-17:

«Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова.

Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя;

Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриєю; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; 10 Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон.

По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафишля; Салафишль родил Зоровавеля; Зоровавель родил Авиуду; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуду; Елиуд родил

Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос.

Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов».

В январе 2006 г., я тогда служил еще в Могилёве, тамошние баптисты пригласили меня сказать проповедь.

Проповедь я начал с этого текста и, конечно, под конец его заметил в глазах у слушателей то самое выражение усталости и недоумения, которое наверняка возникло и у вас, во всяком случае, у меня они при чтении этого места возникали много раз.

Ну для чего, скажите на милость, современному читателю всё это перечисление неудобопроизносимых, полузабытых, ничего ему, за редким исключением, не говорящих имён? — Между тем, имена эти говорят очень много, если хоть как-то помнить Священное Писание.

Простым перечислением, в нескольких строках, Матфей воспроизводит в памяти осведомлённого слушателя всю библейскую перспективу, обрамляющую рождение Спасителя. Авраам и патриархи, Вооз и Руфь, Давид и Соломон и все

цари до плена... Сколько захватывающих историй, выпуклых персонажей!

После плена для нас наступает «тёмная» эпоха, лишь фрагментарно освещённая в библейских книгах, но для современников Матфея и она наверняка была заполнена живыми именами из родословных: они-то знали своих предков...

Об этой библейской перспективе я и напомнил своим слушателям. Но вот о чём не стал я вспоминать — и времени бы не хватило, и тема совсем другая: а какое, собственно, имеет отношение к Иисусу вся эта родословная?

Ведь в следующих стихах Матфей как раз о том и говорит, что Иосиф, муж Марии, от которой родился Иисус, называемый Христом, отцом Иисуса вовсе не был?

В том-то и дело, что был, хоть и в особом смысле. Матерь Божия недаром говорит о нем Своему Сыну: *«Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя»* (Лк 2,48).

Вспомним, что в античные времена отцовство понималось гораздо шире, нежели сейчас. Для нас в отцовстве главное — физическое родство, в античности — нечто иное. Когда у грека, например, рождался сын, его клали на стол, и отец произносил над ним слова: «Мой сын!». Лишь с этого момента ребенок признавался его сыном, приобретал какие-то права, а до этого считался... — да ничем он не считался. В результате в прекрасных «золотых» Афинах, образце и вершине

античной цивилизации, сплошь и рядом на улицах можно было видеть выброшенных за ненадобностью новорожденных младенцев. (Кто видел изумительный японский фильм «Легенда о Нарайаме», наверняка запомнил такого же младенца, подброшенного в огород соседу: как видим, языческие нравы живучи, сохранились не только в Японии конца девятнадцатого века, но даже до сего дня, разве что в нашей «гуманной» цивилизации женщину избавляют от родовых мук, кончая с младенцем задолго до рождения).

У иудеев младенцев, конечно, не выбрасывали, но к одному только кровному родству отцовство не сводилось и у них. Быть иудеем значит быть потомком Авраама. Но тот, кто принимает обрезание, становится таким же потомком Авраама, как и те, кто произошли от него по плоти. А принятый в семью становится таким же членом семьи, как и все прочие, с теми же правами и с той же *родословной*.

Иосиф принял Иисуса в свою семью, включил Его в свою родословную. Наделил Его всеми правами сына. Что значит, дал Ему больше, чем если бы дал просто физическую жизнь. Дающий физическую жизнь совсем не обязательно становится отцом, совсем не обязательно берет ребенка под свою опеку, признает его своим потомком. Иосиф это сделал.

Если бы он этого не сделал, если бы «тайно отпустил Ее», как собирался, то Иисус остался бы

без родословной. А будь Иосиф чуть меньше праведным, и «огласи» Её, то страшно даже подумать, что могло бы произойти: уличённых в прелюбодеянии девиц в Израиле побивали камнями...

Так что Иисус обязан ему не только родословной, но в какой-то мере даже жизнью. И потому Иосиф с полным правом может называться «отцом» Иисуса.

Но всё же нам, людям конца второго-начала третьего тысячелетия, трудно принять без оговорок такое условное «отцовство». Генетика для нас важнее юридических формальностей. Для Матфея-Евангелиста дело обстояло по-другому. Как раз в его эпоху юридические формальности играли решающую роль даже в таком важном вопросе, как престолонаследие.

Кесарь Тиберий, во дни которого происходили Евангельские события, был усыновлён своим предшественником Августом, а тот, в свою очередь — Юлием Цезарем. И этого хватило, чтобы унаследовать власть в огромной империи. Августу пришлось еще за эту власть повоевать с соперником, а вот Тиберий перенял её без всяких приключений: сын!

При этом надо помнить, что для современников речь шла не о царской должности — Рим еще долго после этого считал себя республикой, — а об особом положении, занимаемом конкретным

лицом. Август и Тиберий не должность Цезаря унаследовали, а его имя и влияние. Во времена Христа это имя уже, конечно, воспринималось, как титул: *«Чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»* (Мф 22,20-21). Но со времен Цезаря и ста лет ещё не прошло, и правил всего лишь второй его преемник, собственно, «внук». Говоря «кесарь», произносивший это слово не мог не помнить, что это имя собственное (и, кстати, в греческом оригинале Евангелия оно написано с большой буквы).

Царский престол высится сам по себе, и занять его может, в принципе, кто угодно, ибо власть приписывается престолу, должности, а не личности. Скоро и в Риме будет так, но пока что никакого властного престола попросту нет, есть личность, Цезарь (греки произносили «Кесар»), приобретший власть в своё частное владение и передавший её по наследству сыну и внуку. Пройдут века, прежде чем это собственное имя превратится в нарицательное, да ещё как! Русское «царь» и немецкое «кайзер» происходят от него.

Но главная цель нашего рассуждения не в том, чтобы выяснить, насколько юридически оправданно Евангелист Матфей включил Христа в родословную Иосифа, которой вовсе не был его отцом по плоти.

Суть в том, что та самая реальность, которую сегодня мы так охотно предпочитаем всяким юридическим формальностям, гораздо более условна, чем мы привыкли думать.

Слово «условность» предполагает некоторые условия. Возникшие в результате того, что кто-то о чем-то между собой условился. Если ты видишь занавеску на моём окне, значит, меня нет дома. А если ты получишь от меня эсемеску с тремя нулями, значит, сегодня наша встреча не состоится. И так далее.

Знаки могли бы меняться, вместо нулей могли быть точки, вместо занавески — горшок с геранью. Отсюда наше пренебрежение «условностями». Они изменчивы, непостоянны, их легко забыть и перепутать (профессор Плейшнер!), реальность — дело другое! Камень это камень, а вода это вода, как их не обозначь. Отец это тоже отец, и невозможно стать отцом по какому-то юридическому произволу. Так мы чувствуем, если не мыслим.

В человеческих отношениях такой подход, наверное, оправдан. Иное дело с Богом. У Бога слово и реальность неотличимы друг от друга. «Слово Божие живо и действенно» (Евр 4,12); «Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось» (Пс 32,9).

Поэтому когда Бог говорит: «Да будет свет», — является свет. Когда Бог говорит: «Сие есть Тело Мое» — обыкновенный хлеб становится Телом Христовым.

По своим физико-химическим свойствам хлеб остаётся хлебом. По своей сути — делается Телом.

Это возможно потому, что всякая суть не только, что зависит, но возникает только потому, что Бог ставит ей такое условие. В этом смысле всякое существование, наше с вами в том числе, полностью, целиком и до конца условно.

Оно имеет место прежде всего и только потому, что Бог условился об этом — наверное, с Самим Собой, но непременно с нами. Не будем говорить сейчас о том, как мы с вами отвечаем поставленным условиям. Главное — понять и не забыть, что я являюсь тем, кем являюсь, потому что Бог поставил такое условие. Я человек, потому что Бог назвал меня человеком. Точно так же кто-то становится сыном, когда отец называет его: «Мой сын».

Только поэтому мы воспринимаем определенное количество воды, белка и клетчатки как нечто, заслуживающее внимания и уважения, — как человека. Поэтому мы относимся с благоговением к маленькому кусочку чего-то, в чём никакой анализ и микроскоп не усмотрят ничего, кроме хлеба, — как к Евхаристии.

И наконец, поэтому мы воспринимаем сборник текстов — нередко поэтических и выразительных, глубокомысленных и проникновенных, но также архаичных и слишком часто непонятных, — как Слово Божие.

Ошибка — видеть в человеке только мясо и кости (взгляд волка).

Ошибка видеть в Евхаристии только кусочек хлеба.

И точно такая же ошибка — видеть в Библии только текст и буквы, и даже только тот смысл, который открывается человеческому разуму. Библия это Слово Божие в том же смысле, в каком хлеб это Евхаристия, Тело Божие, а мясо и кости это человек — образ Божий.

Евхаристию следует принимать, человека — прозревать, Слово Божие — воспринимать.

А не анализировать.

Аминь.